

- Прости, я не люблю парней и никогда не смогу их полюбить.

Гу Цзицин услышал эти слова, когда, разговаривая по телефону, остановился у автобусной остановки кампуса, толкая перед собой чемодан.

Ранний зимний вечер в Пекине был окутан серой дымкой. Угол остановки украшали безжизненные сухие ветви, а говорящий парень стоял в полосах света, пронизанного тенями.

Он был высоким, с идеальными пропорциями. Просто стоял там, где стоял, но его рост под метр девяносто создавал ощущение подавляющей мощи.

Черты лица – резкие, почти агрессивные: высокий нос, глубоко посаженные глаза, узкие веки, подчеркивающие слегка приподнятые внешние уголки – всё это придавало ему холодную, отстраненную надменность.

Определенно, топовая внешность.

Голос – низкий, приятный.

Жаль, слова оказались такими жестокими.

Парень, признававшийся ему в чувствах, уже покраснел, глаза наполнились слезами. Выглядел жалко.

Гу Цзицин не привык вмешиваться в чужие дела, потому, бросив мимолетный взгляд, отвернулся и продолжил ждать автобус в северный кампус.

А в трубке тем временем тревожно спрашивали:

- Сяо Гу, ты правда переезжаешь из общежития? А как же Хэ Чанчжи? Он вернется и сойдет с ума!

Беспокойство собеседника сквозило в каждом слове.

Гу Цзицин ответил расслабленно, мягким тоном:

- Брат Лу, я же говорил – между нами ничего нет.

- Как это нет?! – Голос на другом конце будто хотел упрекнуть, но не решился, продолжив торопливо: – Весь прошлый год он заботился о тебе, это видели все в общежитии! Если бы не ты, он бы не расстался с девушкой и не совершил каминг-аут. Даже если ты его не любишь, ты хотя бы должен дать ему шанс, правильно?

Смысл ясен: раз уж сам «сломал» Хэ Чанчжи, обязан взять ответственность.

После отказа Гу Цзицин слышал это уже сотни раз.

Он не стал вновь объяснять, ответив всё тем же безмятежным тоном:

- Брат Лу, чувства Хэ Чанчжи – его личное дело. Это не обязывает меня отвечать взаимностью или брать на себя вину за его внезапную «смену ориентации».

Его голос, пропитанный южным акцентом, звучал лениво и мягко. Ни едко, ни холодно – лишь с нежной безжалостностью.

Собеседник забеспокоился сильнее:

- Но что изменится, если ты переедешь? Хэ Чанчжи всё равно будет искать тебя! И ты вообще знаешь, в чье общежитие переезжаешь?

Гу Цзицин промолчал.

Он лишь помнил, что при подаче заявления на переезд ему сказали: свободная койка всего одна на весь курс. Выбора не было, и он не стал задавать вопросов.

Всё равно переезд был неизбежен.

Но собеседник, похоже, думал иначе, торопливо добавляя:

- Я специально узнал - это общежитие Чжоу Цыбай! Ты правда готов к этому?

Гу Цзицин снова промолчал.

Он слышал это имя, но не был знаком с человеком. Не понимал, к чему этот вопрос.

К счастью, ответ последовал сразу:

- Чжоу Цыбай ненавидит геев! Настоящая гомофобия! Если переедешь, жизнь станет адом. Останься - Хэ Чанчжи хотя бы не станет тебя обижать.

Короткая пауза.

Гу Цзицин тихо усмехнулся.

Вот оно что.

Значит, этот разговор бессмыслен.

Как раз подъехал автобус, и он лениво протянул:

- Не волнуйся, брат Лу. В конце концов, я же мастер превращать натуралов в геев. Чжоу Цыбай - просто очередной экземпляр, верно?

На другом конце замерли.

Гу Цзицин удовлетворенно положил трубку.

Подняв взгляд, он вновь столкнулся с тем самым парнем.

Тот, видимо, услышал его слова, поднял веки, бросил короткий взгляд, полный презрения, и резко развернулся к спортзалу.

Мимоходом, но с нескрываемым отвращением.

Словно Гу Цзицин сказал что-то лично оскорбительное.

Он не понял причины, но не стал заикливаться. Автобус остановился перед ним.

В отражении окна мелькнула фигура в белой пуховике до щиколоток. Капюшон с меховой отделкой почти полностью скрывал лицо, оставляя на виду лишь острый подбородок. Но даже

этого хватило, чтобы несколько девушек принялись плясать.

Гу Цзицин опустил капюшон, взял чемодан и вошел.

Он всегда избегал проблем.

Если бы не то, что оставаться в старом общежитии сулило больше неприятностей, он бы не стал переезжать посреди зимы.

К счастью, повезло: кто-то из архитектурного факультета уехал за границу, освободив койку. Заявление одобрили быстро.

А что насчет гомофобного соседа...

До конца семестра оставалось меньше двух месяцев. Можно перетерпеть, избегая конфликтов.

Гу Цзицин готовился к холодному приему.

Но ожидания не оправдались.

- Ты так быстро переехал! Я даже не успела предупредить остальных. Они на выходные уехали. Но ребята здесь хорошие, познакомитесь, когда вернутся. Всё будет в порядке.

Смотрительница общежития, похоже, спешила, бросила пару фраз и удалилась.

Гу Цзицин остался один в пустой комнате.

Общежития Цинхуа славились условиями. Новая комната повторяла планировку старой: четверо на комнату, кровати над столами, слева от входа - санузел, напротив - балкон, между блоками - общая гостиная.

Пространства хватало, но всё было завалено спортивной формой, кроссовками, нижним бельем, ноутбуками и фигурками аниме.

Чуть аккуратнее выглядела кровать слева у ванной: одежда и книги сложены более-менее прилично, на столе - спрей для спортивной формы.

Свободное место оказалось рядом, у балкона, заваленное хламом.

Гу Цзицин поставил чемодан, надел перчатки и начал разгребать завал. Только сдвинул коробку с лапшой - с полки грохнулись использованные палитры.

Белый пуховик и открытые участки кожи мгновенно покрылись брызгами красок.

Он даже не поморщился, лишь поднял упавший лист бумаги.

Там был нарисован глаз: форма лотоса, удлиненный внешний уголок с красной родинкой - изящный, соблазнительный.

Студенты-архитекторы умели рисовать, это факт. Но работа казалась пустой, словно автор сам не понимал, что хочет изобразить.

Не шедевр.

Гу Цзицин положил лист обратно, убрал мусор, снял куртку, повесил на дверь и зашел в душ.

Как только дверь закрылась, в кармане куртки завибрировал телефон.

[Ся Цяо]: Ё-моё! Гу! Ты правда собираешься «превратить» Чжоу Цыбая?!

- Ё-моё! Чжоу Цыбай! Ты в курсе, что какой-то Гу Цзицин хочет тебя «превратить»?!

Чжоу Цыбай, выйдя из спортзала, получил звонок от Лу Пина. Тот прислал скриншот с сообщением:

[Стена! Шок! Сегодня на южной остановке слышали, как Гу Цзицин заявил, что согнет Чжоу Цыбая! Прямо при нем! Эпично!!!]

Южная остановка...

Чжоу Цыбай нахмурился, вспомнив утренний эпизод.

- Лао Сы, что делать?! - Лу Пин в панике орал в трубку. - Мы с Чэнь Цзи еще в Аня, а ты уже станешь геем?!

- Чушь. Ты же знаешь мою позицию.

- Но сейчас всё серьезнее! - Лу Пин повысил голос. - Это же Гу Цзицин! Убийца натуралов!

Чжоу Цыбай остался невозмутим.

- Ты же знаешь Хэ Чанчжи из матфака? Того, из баскетбольной команды?

- Знаю. И что?

Чжоу Цыбай открыл дверь общежития.

- Он живой пример! Был с девушкой, почти помолвлен. Но после года в одной комнате с Гу Цзицином - бац, стал геем! Сейчас бросил её, совершил каминг-аут, а недавно публично признался Гу и получил отказ! Разве не ужасно?!

- Не особо.

- Как это не ужасно?!

- Если у тебя есть девушка, но ты не можешь контролировать чувства - это твоя вина. - Чжоу Цыбай презирал таких ненадежных людей.

- Но чувства же не контролируешь! - Лу Пин защищал Хэ Чанчжи. - А если каждый день видишь такое лицо, как у Гу, плюс он тебя подкалывает... Кто устоит?!

- Настоящий мужчина устоит.

Лу Пин готов был рвать на себе волосы:

- На первом курсе, ты пропустил вечеринку для новичков, а Гу Цзицин там выступал. Он как небожитель! Я, натурал, чуть сердце не выплюнул! Хэ Чанчжи с девушкой не устоял, а ты, девственник, даже не представляешь, как он тебя сожрет!

Чжоу Цыбай не дрогнул.

Сегодня его уже достали: признание от незнакомого первокурсника, подслушанный разговор о «сгибании», истерика Лу Пина... Настроение испортилось.

Он не ненавидел геев, но любое намёк на романтический интерес со стороны мужчин вызывал у него отвращение.

Потому считал тревоги Лу Пина глупыми.

Да и что такого в этом «небожителе»?

Чжоу Цыбай вспомнил мельком увиденное у остановки: худощавая фигура, слишком бледная кожа, изящные пальцы, острый подбородок... Ничего особенного.

Он остановился у двери своей комнаты, вставил ключ и холодно бросил:

- Не волнуйся. Я натурал. Его «превратить» не получится. И он вовсе не...

Прервался.

В тот момент, когда дверь распахнулась, знакомый белый пуховик до щиколоток, висевший на крючке, с грохотом упал на пол.

Из ванной как раз вышел худощавый юноша. На нем была лишь свободная рубашка, слегка прилипшая к телу от влаги. Плоские ключицы резко выделялись, будто вырезанные из камня.

Подол болтался, полностью скрывая талию. Обнаженные ноги - неестественно длинные, без намёка на жирок, с хрупкими лодыжками - делали его фигуру почти прозрачной.

Казалось, стоит лишь протянуть руку, и он рассыплется, оставив на бледной коже алые следы, которые не исчезнут никогда.

Когда он поднял взгляд, с мокрой челки скатилась капля. Она задержалась на ресницах, смочила брови, растеклась у уголка глаза, подчеркнув рубиновую родинку. Холодная красота, словно лунный свет.

Каждая деталь идеально совпала с образом, запечатленным где-то в глубинах памяти Чжоу Цыбая.

Его мозг внезапно застыл. Мысли исчезли, оставив лишь бурю в груди: приливы, шквалы, глухие удары, будто барабанная дробь.

Только когда Лу Пин на другом конце провода рявкнул: «Эй, ты там живой?!» - Чжоу Цыбай очнулся.

И тут же осознал, о чем только что думал. Сознание взорвалось, будто все пекинские фейерверки сдетонировали разом. После бешеной трескотни осталась лишь оглушительная пустота.

На автомате он грохнул дверь, вцепился в ручку, чувствуя, как пылают уши и бешено колотится сердце.

«Ну и что, - подумал он. - Совсем не красавец».

<http://bllate.org/book/14413/1274330>